

О В. А. Жучкове

Владимир Александрович Жучков был сухопарым невысоким человеком с крупными чертами лица и характерным скрипучим голосом. Он жил на Лесной улице в Москве, в районе Белорусского вокзала, с окнами на Бутырскую тюрьму. Он часто принимал гостей, а дальняя комната его крошечной «двушки» подолгу не пустовала. В квартире было мало места для книг, и я помню, как он размещал тома подаренного ему немецкого собрания сочинений Канта в старом холодильнике. В дальней комнате долгое время стоял компьютер, который Владимир Александрович упорно осваивал с начала 2000-х годов. Приходившие к нему люди обычно размещались на кухне, где в клубах табачного дыма заводились долгие разговоры о жизни и о философии. Философские разговоры всегда переключались на Канта. Владимир Александрович вспоминал, что, осилив Канта в студенческие годы, он обнаружил, что его идеи могут быть инструментом решения любых философских проблем. У него был свой, особенный Кант. Главное в этом Канте было учение о вещи в себе, указывающей, с одной стороны, на границы познавательной способности человека, осознание которых может быть эффективным средством от косности и догматизма, и открывающей путь к творчеству — с другой. Ведь наличие непознаваемой вещи в себе означает незавершенность человеческой картины мира, а незавершенность подталкивает к творческим попыткам расширить и завершить ее. В. А. Жучков был убежден, что эти интуиции пронизывают все три «Критики» Канта и мечтал написать большую книгу, в которой прослеживалось бы их развитие. Он даже начинал писать ее, но, насколько мне известно, не завершил. Парадоксально, таким образом, что у самого, возможно, глубокого ценителя Канта в России нет отдельной монографии об этом мыслителе. Впрочем, у него есть другие монографии — о немецкой философии эпохи Просвещения. В одной он в основном рассуждает о Хр. Вольфе, в другой — о непосредственных предшественниках Канта, И.Н. Тетенсе, Хр. А. Крузии и других, а также о докритической философии самого Канта. Но Владимиру Александровичу удавались не только индивидуальные проекты. Он был хорошим организатором — и не из-за каких-то выдающихся менеджерских качеств, а из-за душевной теплоты, которая проявлялась во всех его делах. Это был совершенно бескорыстный человек, с которым всегда хотелось работать. Как организатор он подготовил оригинальное издание «Критики чистого разума», учитывающее варианты многочисленных переводов этой книги на русский язык, а также большую книгу «И. Кант. Из рукописного наследия», содержащую огромное количество

текстов, никогда ранее не переведившихся на русский язык. Важную организационную роль он сыграл и в развитии отечественного кантоведения, одним из центров которого стал Калининградский университет, под эгидой которого выходил (и выходит) «Кантовский сборник» и проходят «Кантовские чтения». Мне не известны все детали, но я точно знаю, что В. А. Жучков, наряду с Л. А. Калининниковым и некоторыми московскими философами, был у истоков этого. Символично в этом плане, что бюст Канта, находящийся ныне в музее Канта в Калининграде, был привезен в этот город именно Владимиром Александровичем. Другие замечательные дела В. А. Жучкова не столь заметны, но, возможно, не менее важны. Я говорю, в частности, о его отношении к ученикам. Кажется, что для него не было пределов помощи. Он мог брать для них редкие книги из библиотеки, часами обсуждать их работы, искренне радоваться достижениям, беспокоиться за них. Уверен, что многие, кому, подобно мне, повезло общаться с Жучковым (а было время, когда почти каждый день я долго беседовал с ним по телефону и часто бывал у него), согласятся с моими словами. А значение его идей нам еще предстоит осознать.

*В. В. Васильев,
заведующий кафедрой зарубежной философии
МГУ им. М. В. Ломоносова*

